

Наталья Колесова

Нестрашные сны

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
К60

Колесова, Н.

К60 Нестрашные сны / Н. Колесова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 306 с. — (Грани миров Натальи Колесовой).

Агата Мортимер — загадка для всего магического сообщества. У неё как будто бы нет способностей к волшебству, однако это не помешало девушке обезвредить полный магии Котел в центре столицы. Теперь Агату ждут в Институте магических феноменов, чтобы изучать и контролировать её странный дар. Только хочет ли этого она сама? Вопросов становится всё больше. Как Агата связана с Кобуци, мощнейшей магической аномалией, результатом неудачного эксперимента? Что за Пустыня преследует девушку во снах? Что это за сны, которые переносят Агату и ее друзей на многие километры от столицы?

И как быть, когда ты совершенно не нравишься тому, кого ты любишь?

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-91239-1

© Наталья Колесова, текст, 2020
© Юлия Пасынкова, обложка, 2020
© Т8 RUGRAM, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

*А знаешь, там не страшно,
Я думаю — не страшно,
Но как быть может страшно
в стране наших снов?*

Исполнитель «The Couple»

Я ползу по коридору на четвереньках. Или это называется — иду? Двигаюсь... Коридор освещенный, длинный. Пустой. Если опустить голову, видно, какая за мной остается широкая красная полоса. Не знала, что в человеке так много крови. Руки начинают сильно дрожать в локтях и запястьях, а колени переставляются все тяжелее, точно их оттягивают назад на резинке. Наверное, легче ползти. Я ложусь и понимаю, что это плохая идея: пол гладкий, скользкий, пальцам не за что уцепиться. А, может, попробовать двигаться на спине, просто отталкиваясь ногами? Побарахтавшись, как черепашка с расколотым панцирем — садисты-мальчишки в детстве разбивали его камнями — переворачиваюсь и смотрю в потолок. Потолок ведет себя очень странно: он то нависает над самым моим лицом, то уплывает куда-то высоко, прямо в небо, то раскачивается из стороны в сторону, как маятник... Может, землетрясение началось?

Я поворачиваю голову, прижимаясь щекой к холодному камню. Окна в коридоре большие, но выходят они на «глухую» стену соседнего здания, и с пола видно только эту стену и небо. Серое небо. Вечер? Утро? Просто плохая погода? Наверное, все-таки вечер, потому что в институте никого...

Институт! Сама не знаю, почему это слово меня беспокоит. Слово как слово. Но есть в нем что-то такое, что заставляет меня

ползти вперед. Выбираться... надо выбраться, пока никто не пришел. Не нашел меня.

Никто меня не ищет! Защищало глаза и щеки — слезы, внезапные, горячие, соленые. Никому я не нужна. Ни-ко-му. Совсем. Кроме... Я пытаюсь поднять голову — аж шея дрожит от усилия. Не получается. Тогда я скашиваю взгляд на ноги. Назад. В том конце коридора темно и пусто. Никто не идет по моему следу. Но это ненадолго.

Надо выбираться. Я запрокидываю голову: впереди лестничная площадка, а за ней точно такой же коридор. Может, я сумею съехать вниз по перилам? Только вот не знаю, куда я... приеду.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИНСТИТУТ МАГИЧЕСКИХ ФЕНОМЕНОВ

*День подходит к итогу. Послушай:
Сон котенком крадется по крыше,
Синеокий чернильный котенок
Скоро станет матерым котом.
Изловчится, на форточку вспрыгнет,
Тенью в ноги к тебе заберется,
И свернется клубочком, прогонит
сны дурные и недобрых людей.*

Н. Караванова

Глава 1

Парк запутанных дорожек

Агата очень боялась идти к Димитрову в больницу. Даже позвонить не решалась. Сначала хотела навестить Максима, своего телохранителя, но и Келдыш и бабушка, как сговорившись, запретили это делать. Агата поняла, что не очень-то он хочет ее видеть. А вдруг и Славян тоже? Хотя это смешно, они же с ребятами его вылечили! Но ведь в больницу он попал из-за нее. И неизвестно, вернется ли к нему огненная магия. А если — она вспоминала рассказ Келдыша о детях, которых родители после войны водили к Слухачам — его тоже «выпили досуха»? Лучше, конечно, было заявиться к Димитрову всей толпой. Но у интернатовцев (всех, кроме нее) помимо обычных школьных начались еще и экзамены по магии, и Божевич решительно запретил выходы в город, особенно их сумасшедшей компании. Это не она, это директор так их назвал.

В общем, Агата все раздумывала и колебалась — пока не явился Келдыш и не предложил сопроводить ее в больницу. Она не сумела придумать уважительную отговорку и теперь плелась рядом с ним

по больничному парку. Где-то здесь со Славяном гуляет мама Димитрова. Агата надеялась их просто не найти — ведь парк такой большой! — но чтобы Ловец кого-то не нашел...

— Вон они, — Игорь показал на женщину, катившую по аллее инвалидную коляску.

Агата испугалась:

— Он что, не может ходить?

— Просто еще слишком слаб. Добрый день!

Димитрова вскинула руку, заслоня глаза от солнца, и заулыбалась:

— О, Игорь, вы снова пришли? Здравствуйте-здравствуйте!

Агата вопросительно поглядела на Келдыша:

— Снова?

— Я тут бываю. Иногда, — бросил тот на ходу.

— И Агата тоже! — продолжала мама Славяна напряженно-оживленным голосом. — А мы уж думаем: что-то нас одноклассники не навещают?

— Экзамены, — виновато пробормотала Агата.

Келдыш подошел первым, пожал руку Димитрову.

— Здравствуйте, Славян. Я принес тренажеры для рук. Оставил в вашей палате.

Он со всеми на «вы». Даже с маленьким Зигфридом-Водяным.

— А как...

— Там есть инструкция, но первое время может понадобиться чья-то помощь.

— Сам справлюсь!

Знакомые агрессивные интонации в хриплом голосе. Агата слегка взбодрилась: может, все не так уж страшно? Увидела темную кудрявую макушку Славяна — он пытался выглянуть из-за спинки кресла.

— Мориарти?

— Да, — Агата подошла и пробормотала неловко: — Привет, Слав.

— Привет.

Выглядел парень нормально. Ну, почти нормально — если не обращать внимания на теплый больничный халат, бледное лицо и бледные губы. Руки расслабленно лежали на подлокотниках. Димитров сощурился на нее, опять сказал:

— Привет.

Агата покосилась на взрослых: отойдя в сторону, те что-то тихо обсуждали.

— Ну ты... как?

— Нормально. А ты?

— Нормально.

Он помолчал.

— Совсем-совсем нормально?

— Ну... да.

— Подойди ближе! — скомандовал он. — Я тебя вижу плохо.

Агата и без того заметила, что он щурится и наклоняет голову то так, то эдак, точно пытаюсь получше рассмотреть ее. Шагнула ближе. Носки кроссовок уперлись в колесо коляски.

— Ага, — теперь Димитров смотрел на нее снизу. Глаза темные-темные. Напряженные. — Я когда... проснулся... стал хуже видеть и слышать. Все вокруг какое-то... не такое.

Агата промолчала. Она, кажется, поняла: Славян видит и слышит теперь, как обычный человек. Просто человек. Как она сама.

Не маг.

Запаниковав, Агата оглянулась. Келдыш наблюдал за ними поверх кудрявой головы Димитровой.

— Наши передают тебе привет. Пока экзамены и Божевич не выпускает, но они придумают, как выбраться. Вот.

Протянула пакет с конфетами и журналами. Пальцы Славяна дернулись и замерли.

— Положь куда-нибудь, — скомандовал он со злостью.

Агата торопливо пристроила пакет ему на колени. Димитров сказал в ее склоненный затылок:

— Говорят, это ты меня вылечила?

— Нет. Все мы. И еще, — она махнула рукой в сторону, — Келдыш.

— Ты мне снишься.

— Правда? — Агата почувствовала, что краснеет.

— Каждую ночь. — Славян подумал и добавил: — И день. Всегда, когда засыпаю. Как он подходит к тебе... — Агата поняла сразу — Инквизитор. — А ты говоришь ему — возьми всё... Страшно.

В их полку прибыло — вот еще один с ночными кошмарами! Агата кивнула.

— Игорю инквизитор тоже снится. И мне. Стефи говорит, я иногда кричу по ночам.

Димитров наблюдал за ней темными неподвижными глазами.

— Не он страшный. Ты.

Славян как будто ее ударил — она даже сделала шаг назад.

— Все нормально? — спросил Келдыш за ее спиной, Агата и не заметила, когда он успел подойти. Димитров сказал устало:

— Я лечь хочу.

Его мама сразу захлопотала, поправляя плед у него на коленях, разворачивая коляску.

— Хватит на сегодня, нагулялись, поехали в палату. Спасибо, что забежали, Игорь, Агата. Приходите еще!

Никогда. Никогда больше.

Агата не стала смотреть, как они уезжают. Повернулась и пошла в противоположную сторону. Двое долго молча шагали по запутанным бесконечным дорожкам — Агата начала подозревать, что волшебники что-то сделали здесь с пространством. И со временем — они неожиданно вышли в осень.

— Посидим? — Келдыш смахнул желтые листья со скамейки, уселся, вытянув ноги. Агата присела на край и отвернулась. Не хотела говорить о Славяне. Она даже не знала, что сказать остальным. Пусть сами теперь к нему приходят.

— Хотите?

Келдыш протягивал половину шоколадки. Вторую жевал сам. Наверно, приносил Димитрову, а отдать забыл.

— Спасибо.

Агата подержала плитку в руках и все-таки откусила. Горький...

— Мортимер.

Почему-то он всегда обращается по фамилии, когда они остаются одни. Или ему очень не нравится имя Агата или он таким образом напоминает ей, что возится с ней исключительно как куратор Службы Контроля над Магией.

Да и себе, наверное, — тоже.

— Помните, как вы себя чувствовали, когда я водил вас к Слухачу? Агата упорно жевала шоколад. Еще бы не помнить!

— А теперь умножьте все это на тысячу. Его сейчас просто раздирают злость, страх... отчаяние. Бессилие.

Ее они тоже сейчас раздирают. На мелкие клочочки.

— Он расстроился, что я себя хорошо чувствую! — пожаловалась Агата.

— Нормальная человеческая реакция — когда тебе плохо, то и целому миру тоже должно быть плохо.

— Значит, я не человек, — буркнула она. — Или не нормальная.

— Да уж, — согласился Келдыш. — С нормальностью у вас, действительно, наблюдается некоторая напряженка.

Агата покосилась. Он улыбался.

Наверное, помогла шоколадка. Или то, что Келдыш в трех словах объяснил поведение Димитрова. Обида и вина все равно вернутся — она долго будет переживать-пережевывать-обдумывать ночами. Но сейчас ей стало легче. Агата огляделась. Ярко-голубое сентябрьское небо. Желтые, точно светящиеся, листья на деревьях. Разноцветная листва под ногами.

— Красиво как...

Келдыш посмотрел вправо-влево, точно впервые заметил, где они находятся. Поднялся.

— Красиво. Но давайте-ка вернемся в лето.

— А если посетители *не* волшебники? — спросила Агата, когда они возвращались — до ворот и лета, оказывается, было рукой подать. Келдыш ответил прежде, чем она закончила вопрос:

— Для них это просто небольшой больничный парк.

— А если долго ходить по дорожкам, то можно выйти и в зиму?

— Не советую, — сказал Келдыш, не глядя на нее. — Холодно.

— Но в принципе, можно?

— В принципе... В принципе, когда я здесь лежал, для меня на любой аллее была зима.

Агата сразу умолкла. Она никогда не лечилась в подобной клинике — магия, как выяснилось, не может принести ей вреда. Даже после... Инквизитора ей достались одни кошмары. А Игорь вон до сих пор ходит к целителям.

Келдыш привычно оглядел улицу, прежде чем выпустить ее за ворота. Сказал неожиданно:

— Но гораздо хуже попасть в Пустыню.

— Пустыню?

— Многие не возвращаются.

— Как это?

Игорь пожал плечами. Ему, наверное, до смерти надоело рассказывать общеизвестные (волшебникам) вещи. Агата нахохлилась. Наверное, она никогда не станет «своей», потому что родилась и выросла обычным человеком и практически ничего не знает. Да и родители у нее те еще...

Если хорошенько посчитать, то Келдыш сам ей в отцы годится. Перед войной он заканчивал Академию, а она только родилась. Ну, не только, наверное, ей было года два уже. В Академии учатся пять лет, а поступают... поступают по-разному.

— А вы во сколько лет начали учиться в Академии Магии?

Келдыш помолчал — наверное, пытался сообразить, зачем ей это надо. Сказал наконец:

— Не беспокойтесь, времени у вас больше чем достаточно.

Решил, она расстраивается, что поздно начала учиться! Ну что она за человек, нет бы просто спросить, а она боится: а вдруг он подумает, что она подумала... Вдруг догадается, что она пытается понять — может ли взрослый мужчина обратить внимание на девушку... такого безнадежно школьного возраста.

Не мог он быть ее отцом! Бабушка говорит, волшебники могут зачать детей только к тридцати годам: «Если природа дает что-то одной рукой, другой она обязательно отнимает». И детей у магов мало — двое большая редкость. Если б в обычных семьях не рождались дети с МээС, волшебники давно бы вымерли. Агата подумала вдруг, что все еще не относит себя к магам. И видит, и слышит... и чувствует, как обычный человек.

Это хорошо или плохо?

Стефи, выслушав рассказ о посещении Димитрова, промолвила непривычно задумчиво:

— Я пыталась представить, как это — взять и остаться без магии? Не понимаю, как без нее вообще можно обходиться!